

Предисловие Марины Гах

Из огромного наследия Ю.П. Кузнецова особняком стоит его преподавательская деятельность. Кузнецов был не только гениальным Поэтом, но и Учителем, Мастером.

Его семинары никого не оставляли равнодушным. Были в них и великолепные импровизации, и глубоко обдуманые, выстроенные откровения, был поиск. С ним можно было соглашаться или не соглашаться, но нельзя было отсиживаться. Они заставляли человека самоопределиться, поэтому из семинара либо сразу уходили, либо шли за ним до конца, заряжаясь его творческой мощью и отвагой. Юрий Кузнецов заставлял думать, творить. Все его темы очень много дают для понимания творчества самого Поэта. В том, как он показывает тему, как постепенно раскрывает, затрагивая и фольклор, и мировую поэзию, виден индивидуальный творческий метод.

Это раздумья Мастера, которыми он умел щедро делиться. Я, записав, не вправе ничего менять. Темы идут в том порядке, как давал нам их Юрий Поликарпович. Вечные темы поэзии, темы импровизированные, вызванные нашим творчеством. Мне кажется, все они – великое наследие, оставленное нам Учителем.

Женственное начало в поэзии

...Есть во Вселенной начало мужское и женское. Как пишет, как смотрит Мужчина и Женщина – большая разница. Корневая система искусства едина. Существует миф об Андрогине. Человек был единым существом (4 руки, 4 ноги), Зевс разорвал, разорванные обнимались, хотели срастись. Отсюда Эрос.

Легенда о Филимоне и Бавкиде – умерли в один день и час, превратились в два дерева из одного корня. Гоголь переработал ее в «Старосельских помещиках». «Мужчина и женщина дополняют друг друга» (Платон). Существует много народных пословиц об этом.

История о первой человеческой паре – двудольном семени Андрогина – темна, так как на ней тень врага рода человеческого.

Фет: Твой взор открытый и бесстрашный,
Хотя душа твоя тиха,
Но в ней сияет рай вчерашний
И соучастие греха.

От связи Евы с сатаной получился Каин. Цветаева: «Адам, проглядевший Еву». Не с тех ли пор «прелестная», «очаровательная». Афродита закрывает свои прелести, как будто указывает на них. Прелесть – прельщение, лесь – слова одного ряда.

Тютчев: И сквозь величие земного

Вся прелесть женщины мелькнет.

Пушкин: «Чистейшей прелести чистейший образец», – сумел совместить несовместимое. У Достоевского Карамазов мечется между святой и вавилонской блудницей.

Мужчина превознёс женщину до небес в средние века, «полна достоинства», возвышает её до себя. Сервантес. «Дон Кихот» – описание достоинств женщины со слезами на глазах. Идеал всегда разбивается о действительность, но вера не умирает. Блок – поиск «вечной женственности»: сначала «Прекрасная дама», потом – «Снежная маска».

Отношения Данте к Беатриче, Петрарки к Лауре – идеальны. Памятник женщине – «Божественная комедия». Оба не были верны своим идеалам, но являлись «бедными рыцарями». Через год после смерти Беатриче Данте женился, имел семерых детей.

Овидий заметил: «Странно желание любить, чтобы любимое было далеко. И чем больше нас к любимым влечет, тем сильнее бессилие гложет душу». Платоническая любовь – пустоцвет. В народе осуждается. Русская пословица: «Сухая любовь только крушит». Существует культ матери – «тёплой заступницы мира холодного».

«Мимолётное видение» способно воскресить жизнь, но надолго ли, красота спасет мир, но надолго ли?

В славянском искусстве высшая сила искушает человека высшим. В западном – сам человек искушает высшую силу, чтобы достигнуть божества. (Данте, Гете «Фауст»).

Слово – запретный плод. Тютчев: «Мысль изречённая есть ложь». Пространство рождает звук, у Пушкина поэт – отзвук, голос – эхо, живое соединяет с призраком. Стихотворение «Эхо». Эхо ничего не творит, это бессонная нимфа, женщина. Отсюда женские знаки нашей поэзии.

Тютчев о Пушкине: «Тебя, как первую любовь, России сердце не забудет». Происходит сужение, замена матери молодой женщиной, что идет вразрез с народным воззрением. Родина – мать. Еще страннее у Блока, кровосмешение: «О Русь моя, жена моя».

Знаки женственности у Лермонтова в «Завещании» – мелкая женская месть: «Пусть она поплачет, ей ничего не значит!».

Наиболее ярко женский талант проявляется в пении, хореографии, лицедействе. В танце проявляется природная грация. В творчестве ни одна женщина не раскрыла мир женской души, это за них сделали мужчины. В поэзию женщины внесли лишь оттенки личных переживаний. Никакого общечеловеческого или национального мотива в их стихах не прозвучало. Гете: «В поэзии важно содержание». Женщины думают только о чувстве без содержания. Только взволнованность, да звонкий стих, только бы управиться с техникой – и мастерство в кармане. Они заблуждаются.

Есть исключения. Габриэла Мистраль – чилийская поэтесса. Очень значительная по содержанию, близка к фольклору. История ее жизни: сельская учительница влюбилась в проходимца, обманул, одинокая жизнь, не было детей, писала о детях.

Цветаева: «Мой милый, что тебе я сделала?» мельчит, это угасание любви – вечная тема, нельзя найти виноватого. Мужчина всю вину берет на себя. Приучил женщину жить в атмосфере лести. Ахматова: «Я пью за ложь меня предавших губ». Светлана Кузнецова – лучшая современная поэтесса: «И некому выслушать лжи, которая губы согреет». Дело не во лжи. Дело в том, что мужчина и женщина в искусстве не дополняют друг друга. Нет равенства даже среди мужчин. Нет демократии – разница талантов.

Пушкин: «Парки бабье лепетанье». Снижение Парки. Разница разительная: мужчина смотрит на Бога: «И в небесах я вижу Бога». Женщина смотрит на мужчину. Мужчина ничего не боится, даже смерти: «И эту гробовую дрожь, как ласку новую приемлю»- Есенин. Светлана Кузнецова: «Я бы сплела из вас венки, Когда б не знала страха увяданья». Самое главное – женские потери. Только теряя, женщина обретает голос, пускай такой истерический, как у Цветаевой. Женщине положено плакать. Сколько души в народных плачах и причитаниях. Вся литература русская проходит под знаком плача Ярославны.

У женщины обращение к Христу чувственное, главное в жизни женщины – мужчина, рождение детей. Стихи – восполнение пустоты. Чем талантливее поэтесса, тем кошмарней у нее внутренняя жизнь.

Любить – в русском языке понятие не однозначное, эквивалентом является жалеть. В западном (английском) – это определенное действие, продолжающееся некоторое время. Несет не нравственный, а волевой императив. Хемингуэй: «Они любили друг друга всю ночь». Влияние запада – Симонов: «Жди меня». Агрессивный эгоизм заморской воды. Не имеет ничего общего с народным восприятием. Суриков: «Степь, да степь кругом» – уносит любовь с собой, освобождая жену для другого счастья. Чехов создал образ «Душечки». Не все женщины – душечки.

Тютчев: И роковое их слиянье,
И поединок роковой.

Катулл: «Ненавижу и люблю».

У женщины особенное зрение. Не видит целого и перспективы, но различает детали. Лабрюйер «Совсем не смотреть на мужчину означает то же, что смотреть на него постоянно». Цветаева четко определила пространство:

Отпусти ты меня, конвойный,

Прогуляться до той сосны.

За сосной – воля, а она женщине не нужна.

Джордон: «Циркуль – женщина в центре, а мужчина – по кругу».

Патриотическая поэзия всегда писалась мужчинами. Ахматова – рукодельница:

Живые с мертвыми,

Для мертвых славы нет.

Писано в мужской традиции. Мысль в пределах христианского мировоззрения четко отличает мужское и женское. Слезы – плач. Все плакальщицы, вопленицы – женщины.

Пушкин. «Воспоминание»: И горько жалуясь, и горько слёзы лью,

Но строк печальных не смываю.

Некрасов. «Рыцарь на час»: Я хотел бы сегодня рыдать

На могиле далекой.

Блок. «К России»: Твои мне песни ветровые,

Как слёзы первые любви.

Габриэла Мистраль: «Так хочет Бог» – образ слёз.

Ахматова не плачет. Нет утешения, нет слёзного дара:

Но в мире нет людей бесслёзней,

Надменнее и проще нас.

Со старославянского надмить – надуть, надменный – надутый.

Для женщины в поэзии 3 пути: 1 – истерия (Цветаева); 2 – рукоделие (Ахматова); 3 – подражание. Ахматова берет тему «Реквием». Убила её своей гигантоманией, самовлюблённостью. Фигура молчания в предисловии – кокетство, и это возле какой темы. Ее личная боль выше других:

Муж в могиле, сын в тюрьме,

Помолитесь обо мне!

Пушкин: И неподкупный голос мой –

Был эхо русского народа.

Ахматова: Голос мой, которым кричит

Стомиллионный народ.

У Ахматовой много прозаических целей, которые она решает поэтическими средствами. Поэзия – театрализованное действие, за ней должна быть глубина переживания. У Ахматовой одно зрелище – перчатки на разные руки. Не выражает, а показывает. Высшее проявление прозы – поэзия. Но когда поэзия нисходит в прозу – это снижение. Прозаический элемент в поэзии Ахматовой можно назвать своеобразием. Очень сухая и по натуре, и по поэзии.

